

A man in a dark suit and white shirt is looking down thoughtfully, with his hand near his chin. A woman with long, wavy brown hair and red lipstick is looking towards the camera, holding a single red rose. The background is dark with a patterned texture and glowing blue particles. In the bottom left, a lit candle and a moth are visible. The bottom of the image shows a city skyline at night reflected in water.

ТОМ 1

ТАНГО АЛІОГО

МОТЪІЛЪКА

Морвейн Ветер

Морвейн Ветер

Танго алого мотылька: Том 1

«Издательские решения»

Ветер М.

Танго алого мотылька: Том 1 / М. Ветер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514816-2

Кирстин — студентка Эдинбургского колледжа, будущий скульптор. Её жизнь течёт размеренно и монотонно, пока однажды на рождественской распродаже Кирстин не встречает таинственного брюнета на чёрном Ягуаре. Однако волшебной сказке суждено превратиться в кошмар, когда Кирстин узнает, чем её избранник зарабатывает себе на жизнь. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-00-514816-2

© Ветер М.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 2. Работая над собой	13
ГЛАВА 3. Зима	17
ГЛАВА 4. Для двоих	21
ГЛАВА 5. Города	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Танго алого мотылька: Том 1

Морвейн Ветер

Дизайнер обложки Анна Флёр

© Морвейн Ветер, 2020

© Анна Флёр, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-4816-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-4817-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Снег кружился над городом, медленно оседая на стёкла машин и плечи горожан. Звон рождественских колокольчиков разносился по улицам над головами прохожих, сновавших туда и сюда.

Чёрный Ягуар Икс Джей медленно скользил по проезжей части, пробираясь по узким запруженным улочкам. Реймонд Мерсер сидел, положив руку с тонкими пальцами, украшенными двумя старинными перстнями, на внутреннюю сторону стекла. Пальцы другой его руки едва заметно придерживали висок – так, будто опасались помять. Реймонд скучал.

– Какого чёрта нас сюда принесло, – поинтересовался он у пустоты салона. Покосившись на него, крупный мужчина в чёрном костюме, сидевший за рулём, произнёс:

– Вас интересовал национальный колорит... сэр.

– Сэр... – передразнил его Рей и свёл брови к переносице. Затем побарабанил кончиками пальцев свободной руки по стеклу.

В самом деле, отыскать то, что ему требовалось, куда проще и быстрее было бы в Париже или Женеве – хотя, конечно же, на улицах этих городов творилось не меньшее столпотворение в предпраздничные дни.

Но Рей подумал об отце. Эти мысли всегда навевали на него тоску – и в то же время ощущение упущенных возможностей, которые лежат совсем рядом – только потянишь рукой. А подумав об отце, Рей вспомнил и о зелёных склонах шотландских холмов, которые, с тех пор как он покинул отцовский дом – вот уже более десяти лет, – Рей видел в основном в документальных фильмах на канале BBC.

Было бы глупо ожидать от зимней Шотландии зелёных холмов, а Глазго, полный праздничной суеты, был как две капли воды похож на все другие города, одержимые лихорадкой Рождества. Казалось, у всех, кто, как и он, прожил целый год один, в одно мгновение отыскались родственники и друзья, ожидавшие близких выпить глинтвейна и обменяться подарками.

Рей подобных сумасшедших среди своих знакомых не нашёл.

Майкл готовил какое-то своё торжество, на которое приглашалась не столько семья, сколько девочки из модельного агенства, которое они содержали вдвоём. Рей был зачислен в список гостей без обсуждений, будто никто и не рассматривал вариант, что он не придёт – и ещё один такой же список составил его брат, Брюс Мерсер. Хотя два этих списка существенно различались между собой, потому как в первый люди попадали в основном по известности и красоте, а во второй – по родовитости и богатству, Рей оказался сразу в двух и при этом ни один из праздников посещать не хотел.

Общая рождественская лихорадка в его душе отозвалась тоской, какая случается в преддверии зимних праздников у всех одиноких людей, весь год гнавших из головы мысли о своём одиночестве.

– Останови здесь, – рассеянно приказал он, завидев невдалеке небольшой магазинчик, над входом в который висела вывеска: «Рождественская распродажа: Перчатки – Трости – Часы». Магазинчик, несмотря на традиционные зазывающие слова, явно был не из простых, и Реймонд подумал, что если уж не найдёт здесь подарка для семьи, которой у него нет, то, по крайней мере, сможет присмотреть что-нибудь эксклюзивное себе.

Реймонд любил перчатки, трости и часы. А также ладно скроенные жилеты и остроносые ботинки, натёртые до блеска – один из которых теперь опустился в вязкую жижу подтаявшего снега.

Поморщившись, Рей опустил следом и трость. Приподняв ногу, стёр носовым платком выступившие на ботинке белые разводы и, больше уже не обращая внимания на бытовую

неустроенность местной жизни, решительно постукивая кончиком трости о тротуар, направился ко входу в магазин.

Отделов всего было три. Окинув беглым взглядом прилавков с часами, Реймонд пришёл к выводу, что ему нечего здесь ловить – из Швейцарии нашёлся всего один экземпляр, глаз Реймонда легко выхватил его из стройных рядов – и тут же разочарованно скользнул прочь: часы «Corgum Admiral's cup», в которых, как ему показалось, он разглядел кнопку для сплит-хронографа, оказались новой моделью – блики света сыграли с ним плохую шутку. Ещё двое часов, лежавших в самом углу, привлекли его внимание тем, что не походили более ни на что. Они явно были ручной работы, но на одних из них Реймонд заметил малюсенькую трещинку на стекле, а у других зазор между крышкой часового механизма и циферблатом – а значит, сами часы были слажены не очень хорошо.

Реймонд переместился к соседней полке и принялся изучать трости, которые вызвали у него куда больший интерес – но в то же время казались ему куда более бесполезными сами по себе, потому что, в отличие от часов, носить их можно было далеко не везде.

Он выудил из крепежей на стене одну, с набалдашником в виде львиной головы, и принялся разглядывать со всех сторон, когда вдруг услышал нежный голосок у своего правого плеча.

– Прошу прощения, сэръ, вы мне не можете?

Реймонд чуть заметно повернул голову.

Девушке, стоявшей перед ним, едва ли исполнилось двадцать лет. На вкус Реймонда, одета она была слишком непритязательно – и слишком просто для этих мест. Оливкового цвета джемпер виднелся из-под светло-коричневой вельветовой куртки, свободно висевшей на плечах. Такими же коричневыми, только чуть темней, были брюки, свободно сидевшие на бёдрах, и эту гармоничную осеннюю серость разбавлял лишь пышный тёмно-зелёный шарф, завязанный на шее объёмным узлом. Волосы у девушки были медные и слегка завивались на концах. «Можно отрастить», – отметил Реймонд про себя как знаток. Черты лица она имела правильные, кожа её казалась почти прозрачной, и от того всё оно, это лицо, дышало такой одухотворённостью, как будто Гейнсборо писал свои портреты именно с неё. Общий вид портила только родинка над верхней губой, никак не вписывавшаяся в представления Реймонда о красоте. «Можно удалить», – подумал он и, едва заметно улыбнувшись, кивнул, давая понять, что услышал обращённые к нему слова.

– Видите ли, я пытаюсь выбрать подарок на Рождество для отца, но ни черта не понимаю во всей этой ерунде. Мама всегда говорила, что в перчатках важен не только внешний вид, но и материал – но я не знаю, какой на самом деле стоит дарить.

Реймонд опустил глаза и увидел в руках девушки три пары перчаток – из гладкой кожи, из свиной и из замши.

– Почему бы вам не позвонить своей маме и не спросить? – поинтересовался он.

– О, – девушка рассмеялась, – это было бы трудно сделать, она сейчас очень далеко.

Рей вынул перчатки из её рук и, потеряв в пальцах, поднёс к носу одну пару за другой.

– Это подделка, – сказал он и пренебрежительно бросил замшевую пару на стол. – Ваш отец, как я понимаю, мужчина в годах?

– Ему сорок пять.

– Всё равно, лучше возьмите гладкую кожу, это универсальный вариант. Свиная – для знатоков.

Девушка покраснела.

– Благодарю вас, – она кивнула и попятилась, не решаясь отвернуться.

– Вы забыли перчатки, – напомнил Рей.

– Точно. Да.

Одна пара – простые чёрные перчатки из гладкой кожи – снова оказались у девушки в руках, и она подошла к продавцу, чтобы оплатить счёт.

Реймонд пристроился у неё за спиной, так что девушка наверняка чувствовала затылком его дыхание, а остальным телом – исходящий от него жар.

Отдав деньги – она расплачивалась наличными, так что Реймонду не повезло увидеть даже названия банка, в котором та держала счёт, не говоря о том, чтобы заполучить чек с номером карты – девушка чуть развернулась и посмотрела на незнакомца, стоявшего около неё.

– А эти возьму я, – Рей продемонстрировал ей другую пару перчаток и тут же протянул их продавцу. Взгляд его при этом, не переставая, скользил по щекам девушки и её плечам, заставляя ту тяжелей дышать, словно это был не просто взгляд – как будто незнакомец прямо сейчас касался её тела рукой.

– Вы не скажете мне, как вас зовут? – спросил Рей, когда перчатки вернулись к нему. Своих он из машины не взял, и потому, срезав бирку и убрав её в карман, тут же принялся натягивать на руки одну за другой.

Опустив взгляд, девушка невольно отметила, какие тонкие у незнакомца пальцы – как будто бы тот был скульптором или врачом.

– Кирстин, – сказала она рассеянно.

– Кирстин... – Рей сделал паузу, позволяя собеседнице продолжать, но девушка явно уже улетела мыслями куда-то далеко. Она пристально смотрела на руки Рея, и сама при этом шевелила пальцами – как слепой, когда ощупывает чужое лицо.

Рей поморщился. Ему надоело тратить время попусту и ждать.

– Ладно, счастливого Рождества, – бросил он и, развернувшись, направился прочь.

Уже у двери, замедлив ход, Рей достал из кармана телефон и, ловким движением запустил камеру, щёлкнул по экрану прежде, чем девушка, продолжавшая таращиться на его руки, успела понять, что произошло.

На ходу сохранив фотографию, он тут же отправил её Майклу. Настроение поднялось, и, садясь в машину, Рей уже мурлыкал под нос «Jingle Bells».

Едва дверца машины закрылась, как раздался телефонный звонок.

– Это кто? – произнёс насмешливый голос на другом конце линии.

– Понятия не имею. Но мне кажется, она нам подойдёт.

ГЛАВА 1. We wish You A Merry Christmas

Обогатившись парой перчаток, на которые ушла половина её заработка за последние четыре месяца – магазин оказался весьма не дешёв, несмотря на обещания тотальных распродаж – Кирстин отправилась к следующей точке своего пути: сестре предполагалось купить зонт. Пересчитав пальцами пачку налички в кармане, Кирстин подумала, что хорошо бы он стоил поменьше, чем первый презент.

Улыбка не сходила с её губ с того момента, как она покинула лавку с перчатками. Строгая фигура молодого мужчины с перекинутой через затылок пальто из тонкой шерсти локотьсеребряной рукояткой трости не выходила из головы. А руки... Руки просто свели с ума. Даже сейчас, подумав об этих руках, Кирстин ощутила, как разбегаются волны пламени внизу живота. Тут же появились неуместные мысли о том, как эти руки трогают её, ласкают грудь и живот – и Кирстин поняла, что надо завязывать, иначе до второго магазина она уже не дойдёт.

Сделав глубокий вдох, Кирстин заставила себя сосредоточиться на реальности и, оглядевшись по сторонам, заметила чёрный Ягуар – не слишком приметный на вид, но выглядывший массивнее большинства других местных машин. Ягуар медленно полз по улице, и Кирстин показалось, что она угадывает за стеклом заднего сидения строгий силуэт с тростью в руках.

«Идиотка», – отругала она себя. Красавчик из бутика вряд ли стал бы подбирать девушек на улице – к таким обычно очереди стоят. Он будто с картинки в журнале сошёл – и при

всём лоске рождественских магазинов, изо всех сил старавшихся показать товар лицом, явно выбивался из всего, что находилось кругом. «И принц на чёрном ягуаре остановился у двери её башни и забрал с собой».

Кирстин стало смешно, но всё же она бросила ещё один косой взгляд на автомобиль, казалось, продолжавший следовать за ней. Кирстин нарочно не сворачивала, чтобы не разбивать эту иллюзию и немного потешить себя, выдумывая собственную рождественскую сказку.

В свой двадцать один год она не была с мужчиной ещё ни разу – хотя первое предложение такого рода получила сразу же, едва перетащила вещи в кампус Эдинбургского университета.

Оно поступило от преподавателя истории испанского искусства – уважаемого мужчины с седыми висками в возрасте чуть за пятьдесят.

Кирстин даже представить себе не могла, как останется наедине с таким человеком и будет целовать его. Потому поспешно сменила курс и занялась историей итальянской живописи.

Потом был ещё Жозе – его поселили с Кирстин на один этаж. Жозе приезжал учиться по обмену, ему дали на знакомство с Эдинбургом всего один год, и времени даром Жозе не терял – попытался подкатить к одиноко сидевшей на общей кухне Кирстин в первый же день.

Кирстин дала ему от ворот поворот – но только затем, чтобы через неделю обнаружить, что за ней ухаживает его сосед. На сей раз потенциального любовника Кирстин знала достаточно хорошо и не решилась сразу же отказать.

Какое-то время они провели вместе, но дальше поцелуев и осторожных ласк между парами дело не зашло – Кирстин всё оттягивала главное, не в силах избавиться от чувства, что, когда это произойдёт, она целиком изменится.

– Тебе как будто операцию по смене пола предлагают, – шутил Лоуренс, ещё один её сосед. Но шутки становились всё более натянутыми, а Кирстин всё давала задний ход.

На их курсе больше таких принципиальных не наблюдалось, и говорить о нежелании переходить черту означало бы показать себя отсталой, домашней девушкой из Глазго – но как ни старалась, преодолеть свой страх Кирстин не могла.

– Я просто не хочу, – говорила она, пока Лоуренсу в конце концов не надоело тратить время попусту, и он не решил сосредоточить усилия на более доступных целях.

Кирстин же осталась при своём, хотя и продолжала тусоваться в компаниях, где свободно целовались и обнимали друг друга на показ, а что делали уединившись – Кирстин и вовсе предпочитала не представлять.

Ещё в тот, первый раз, когда поступило предложение от мистера Маккоя, Кирстин отчётливо поняла, почему отец не хотел, чтобы она училась здесь – на факультете искусств.

Борьба шла долгих несколько лет, пока наперекор отцу Кирстин не подала документы на получение стипендии и не поставила того перед фактом, что всерьёз собирается стать скульптором.

Отец так и не простил ей этот, как он выражался, «бред», и отношения в семье оставались натянутыми до сих пор.

Впрочем, у них и не было особо времени, чтобы помириться: Кирстин приезжала только на Рождество, летом предпочитая колесить с друзьями автостопом по Европе. Одну из подобных вылазок они сделали и весной – ровно в те дни, когда отцу приспичило навестить Кирстин и узнать, как у неё дела.

Не застав дочь ни на территории университета, ни в Эдинбурге вообще, мистер Кейр (такова была фамилия всех мужчин в семье Кирстин и даже некоторых девушек) твёрдо убедился в том, что дочь его отправилась не на учёбу, а на заработки в публичный дом. Он тщательно готовился к её очередному приезду, не скрывая от Кирстин того, что по возвращении её ждёт громадный скандал – что ничуть не прибавило Кирстин желания на лето возвращаться домой. И вот прошло ещё полгода, и снова настало время каникул – но тут уже прятаться

от родных у Кирстин не хватило духу. Она очень надеялась, что боевой пыл отца за прошедшие месяцы хоть немного поулег, но мистер Кейр продолжал смотреть на неё как на отброс, и рождественский ужин грозил вылиться в полноценную бурю со снегом и льдом.

Остановившись на остановке, Кирстин дождалась автобуса и, запрыгнув в него, отправилась к отцу. Зонтик сестре она так и не подобрала.

Устроившись на сиденье, Кирстин перестала, наконец, коситься на поток машин, где ей ещё с минуту назад продолжал мерещиться Ягуар, и целиком погрузилась в телефон.

Кирстин рассчитывала вернуться в торговые ряды на следующий день, но сделать это ей так и не удалось. Весь вечер отца не было дома, и Линдси, её сестра, уехала вместе с ним – закупать продукты к Рождеству.

Кирстин не оставалось ничего иного, кроме как завалиться в кровать. Она жутко хотела спать, но до последнего, пока сознание не оставило её, продолжала думать о странном знакомце с тростью, который в своём чёрном пальто походил на Скруджа или одного из его духов Рождества.

Кирстин редко знакоилась на улице – вернее сказать, никогда. Но в этот раз она жалела, что так и не решилась спросить его имени, а тот не назвал его сам.

Наутро же родня с самого утра загрузила её делами по дому. Пока отец наряжал ёлку и накрывал на стол, Кирстин помогала Линдси резать овощи и раскладывать их по тарелкам.

После полудня они ненадолго прервались, потому что сестру позвал к себе отец, и Кирстин на некоторое время осталась одна. Она присела на подоконник и потянулась к мобильнику.

Фейсбук продемонстрировал ей два десятка непрочитанных новостей и примерно столько же желающих добавить её в друзья.

Кирстин невольно остановила взгляд на фотографии молодого Орlando Блума, обладатель которой писал ей: «Привет! Мне кажется, нам есть о чём поговорить – напиши мне, если любишь Сэма Смита».

Кирстин хмыкнула. Сэма Смита она не любила. И всё же поёрничать насчёт фотки не преминула.

«Ты уши отрезать забыл», – написала она и отключила телефон, заметив, что Линдси снова появилась на кухне и направляется к ней.

Ужин с отцом тянулся долго. Разговор клеился с трудом.

Перчатки были отложены в сторону с гордым: «Я посмотрел», так что Кирстин даже не смогла сделать вывод – угодила она или нет.

Перед Линдси пришлось извиниться и предложить ей на выбор сутки ожидания или пару купюр. Линдси выбрала купюры и всё оставшееся время торжества продолжала, позёвывая, смотреть перед собой.

Вообще-то с сестрой Кирстин всегда общалась легко. Они продолжали переписываться даже после того, как Кирстин уехала в Эдинбург, и Линдси всегда с удовольствием выслушивала её рассказы о жизни в кампусе, чтобы потом поделиться историями с подружками с таким видом, как будто бы они произошли лично с ней.

Однако то ли отсутствие подарка всё-таки её задело, то ли тягостное молчание, культивированное отцом, давило не только на Кирстин, но Линдси явно не собиралась спасать сестру. – Ты очень похожа на мать, – констатировал отец ни с того ни сего.

Кирстин оставалось только поджать губы и заставить себя смолчать. «Похожесть на мать» была основным аргументом против неё с тех самых пор, как та умотала в Нью-Йорк – к слову, и не думая забирать Кирстин с собой.

Сначала она говорила: «Обживусь и приеду за тобой», потом «Тебе лучше доучиться здесь, иначе придётся много досдавать», и наконец: «Эдинбургский колледж лучше, чем школа искусств, которая находится здесь. Очень хорошо, что тебе удалось туда поступить – такой шанс невозможно потерять».

В итоге вся похожесть свелась к родинке над губой и к тому, что мать любила искусство Возрождения так же, как сама Кирстин.

Наконец Кирстин удалось вырваться из-за стола и, добравшись до своей комнаты, наспех принять душ. Она нырнула в кровать и снова взяла в руки телефон – хотелось посмотреть, как прошел рождественский ужин у всех остальных.

«Я просто подумал, что парни с длинными ушами нравятся тебе больше» – ожидало её вместо вороха фотографий индеек и ёлок.

Кирстин полистала Фейсбук туда и сюда, но, так и не дождавшись, чтобы ей написал кто-нибудь ещё, ответила:

«Уж лучше бы у тебя был длинный член».

Какое-то время она продолжала шерстить интернет без особой надежды получить ответ, пока наверху экрана не засветилось оповещение.

«Фотку прислать?» – прочитала Кирстин, кликнув на него.

Кирстин не сдержала нездоровый смешок.

«Тоже Орландо – или на сей раз своего?»

«Могу прислать последний каталог Lelo»

«Спасибо, я как-нибудь сама».

Кирстин приготовилась было выключить телефон, но потом подумала и написала: «С Рождеством!» – и затем уже нажала отбой.

Рей захлопнул ноутбук секундой раньше, чем Майкл, и не думая стучаться, ворвался к нему.

– Ты так и будешь торчать здесь? Девочки уже начали разыгрывать призы.

Сквозь открытую дверь доносился гул пьяных голосов, распеваящих «Santa Claus Is Coming To Town», а в каштановых волосах Майкла и на его ушах осели ошметки конфетти.

Накануне Рей так и не решился встретиться с отцом. Сам знал, что это слабость. Был уверен, что едет к нему, чтобы доказать свой триумф – но в каком-то десятке миль от дома приказал развернуть автомобиль.

«Ну его к чёрту, – подумал он, – Рождество нужно, чтобы отдохнуть».

Рей думал, что провести ночь на яхте, где Майкл уже подготовил всё, чтобы хорошо отдохнуть, будет веселей – но пока что веселье его так и не нашло.

– Не хочу девочек, – капризно заявил Рей и зевнул, но ноутбук, тем не менее, в сторону отложил.

– Давай, пошли! Там есть близняшки, Рей, помнишь, те, которых мы снимали для рекламы «Red Bull»? – Майкл подмигнул. – Весь вечер ищут тебя.

Потягиваясь, Рей выбрался из каюты как раз вовремя, чтобы увидеть, как близняшки: одна – блондинка, другая – брюнетка – с пронзительным воплем запускают в небо разноцветную петарду, и волны по обе стороны от яхты окрашиваются алым светом, отражая букеты огней.

– Всё-таки хорошо, что ты не потащился к брату, – Майкл подтолкнул его вперёд, и Рей, вывалившись из коридора, ловко упал на скамейку между двумя сестричками в маленьких купальниках, одинаковыми на лицо. Руки его как змеи скользнули в обе стороны, прижимая девушек к себе, и близняшки послушно приникли к его бокам, а одна даже сунула под нос бокал мартини.

– Точно, – подтвердил Рей, – хорошо, – сделав глоток, он поймал губы беленькой и принялся целовать, передавая ей наполнивший его рот сладкий вкус.

Майкл куда-то исчез, и Рей не собирался его искать – брюнетка уже гладила его через штаны, и Рей подбросил бёдра, подаваясь навстречу её руке.

– I wish You A Merry Christmas... – еле слышно промурлыкал Рей. Уткнулся носом в шею другой и принялся задумчиво целовать.

ГЛАВА 2. Работая над собой

Прошло две недели с тех пор, как Кирстин отправилась домой.

Она кое-как выдержала в отцовском доме пять дней – но сразу же, как только был отпразднован новый год, скинула вещи в рюкзак и направилась в сторону шоссе, убежавшего на восток – туда, где находился Эдинбург.

Ездить на автобусе Кирстин не слишком любила – не выносила тесноту и духоту, которые обычно царили внутри. Куда проще и привычнее был автостоп, тем более что приятный внешний вид без признаков распушенности гарантировал, что её легко подберут.

Так и произошло.

Первая машина остановилась около неё через пятнадцать минут, улыбчивый водитель приоткрыл дверь и впустил путницу внутрь. И уже через полтора часа Кирстин снова раскладывала вещи, накопившиеся в рюкзаке, на свои места.

Кампус был почти что абсолютно пуст – кроме неё никто не хотел торчать здесь всё время зимних праздников.

Закончив с одеждой, Кирстин сбросила кроссовки и, пинком затолкав их под кровать, завалилась на неё.

Мобильник сам собой оказался у неё в руках, и Кирстин принялась изучать фейсбук.

Теперь уже она точно знала, зачем сюда заходит и что хочет прочитать.

Кирстин и не заметила, как обычный стёб, для которого собеседника совсем не обязательно было знать, стал превращаться во что-то ещё.

«Орландо», который в сети имел не менее смешной ник, чем аватарку – он называл себя «Охотник» – почти ничего не рассказывал о себе. Показывать лицо он также не спешил.

По требованию Кирстин «сменить фотку» на его странице одна за другой появлялись портреты актёров и моделей, так что поиск настоящего обладателя предложенного лица стал превращаться в своеобразную игру.

В конце концов, голливудских красавцев сменил Эйнштейн, и Кирстин поняла, что больше ничего не добьётся.

«У тебя что, шрам в половину лица?» – как-то спросила она.

«Орландо» ответил только к вечеру:

«Да. И если ты не поцелуешь меня до того, как упадёт последний лепесток – он останется навсегда».

Кирстин вздохнула, но улыбки не сдержала.

Она торопливо спрятала мобильник, чтобы уйти от ответа и продолжить разговор уже потом, когда тему можно будет замять.

Чем больше Кирстин пыталась выспросить о своём собеседнике, тем больше в итоге рассказывала о себе. Тот мастерски рикошетил любые вопросы, отшучиваясь и забалтывая любой не устраивавший его момент – Кирстин так не умела.

«Сколько тебе, по крайней мере, лет?» – спросила Кирстин в другой раз, когда каникулы уже подошли к концу, и она сидела на паре, слушая, как профессор Олдвелл вещает про античную драму. Этот курс она выбрала только потому, что единственной альтернативой ему была драма китайская, предполагавшая знание соответствующего языка, а по-китайски и по-гречески Кирстин понимала примерно поровну – чуть меньше, чем ничего.

«Отвечу, если ты тоже ответишь мне на один вопрос», – сообщение от Орландо пришло через несколько минут, когда Кирстин от безысходности уже взялась было писать конспект.

«Ну».

«О чём ты думаешь перед сном, когда откладываешь в сторону телефон и поворачиваешься лицом к стене?»

Кирстин подавилась слюной и закашлялась.

«Что за идиотский вопрос?» – тут же спросила она.

«Не менее идиотский, чем твой. Если мне сорок – я тебе этого не скажу. Если четырнадцать – тоже. Так что считай, что мой возраст подходит для тебя на все сто».

Кирстин отложила телефон в сторону, её терзала лёгкая обида. Орландо попытался проникнуть куда-то глубоко – куда она не хотела пускать ни его, ни кого-то ещё.

Воспоминания о встрече, случившейся в пред Рождественские дни в магазинчике в Глазго, уже стали стираться из памяти – но теперь, когда Орландо снова напомнил ей о них, отозвались в сердце тоской.

Конечно, что прошло, то прошло. И вряд ли это знакомство могло бы вылиться во что-то большее... Она, в конце концов, вообще не имела никаких оснований считать, что случайно попавшийся ей на глаза красавчик заинтересовался бы ей.

Отключив мобильный, Кирстин принялась сосредоточенно писать, а когда спустя двадцать минут лекция подошла к концу, и они с Лоуренсом перебрались в зал для практических занятий по скульптурному мастерству, Кирстин сразу поняла, что будет сейчас лепить – тонкие руки с аккуратными пальцами и чуть квадратными ногтями. Вытянутые и согнутые, будто крылья птицы, готовой сорваться в полёт.

Кирстин так увлеклась, что не заметила, когда прозвенел звонок.

– Хорошо, – констатировал профессор Огилви, и Кирстин вздрогнула, теперь только сообразив, что они остались вдвоём, – большой шаг вперёд.

– Спасибо, сэр, – машинально ответила Кирстин, пытаясь отыскать взглядом Лоуренса в пустой аудитории.

– Я его отослал, – ответил на её мысли Томас Огилви, – хотел попросить тебя задержаться на пару слов.

Кирстин кивнула.

– Есть небольшой заказ, – Огилви повернулся к ней спиной. Подошёл к кафедре, достал оттуда стопку фотографий и протянул их Кирстин.

Та взяла стопку в руки и принялась листать.

– Где это? – спросила она. Фотографии изображали, похоже, Эдинбургский замок, но на других листках находились репродукции старинных гравюр.

– На Квинсферри-род предлагают поставить памятник королю Брюсу. И не спрашивай, как связаны Брюс и Эдинбург.

– И не думала, – Кирстин вообще знала национальную историю не так хорошо, чтобы судить о подобных вещах.

– Нужно сделать эскиз. Набросай, а я подправлю финальный вариант.

Кирстин кивнула.

– Оплата как всегда?

Огилви кивнул.

– Есть ещё кое-что, – после паузы сказал он. – Прощлая серия рисунков в дело не пошла.

Кирстин пожалала плечами, её не волновало, куда девается результат её работы, если ей исправно платили.

– Зато они попались на глаза моему приятелю, он планирует издать альманах: «История, которая не сбылась». У тебя нету ещё черновиков?

Кирстин замешкалась. Это был переход на какой-то новый этап.

– Простите... вы хотите их опубликовать?

– Ну да, чего добру пропадать?

– А под чьим именем, если мне будет позволено задать вопрос?

– Кирстин, – Огилви покровительственно улыбнулся, – мы оба понимаем, что под твоим именем публиковать их никто не станет. Так что у нас есть только один вариант.

Кирстин помолчала.

– Я поняла, – сказала она. – Постараюсь поискать. Или скажите, что конкретно вас интересует – возможно, возьмусь нарисовать.

Продолжая улыбаться, Огилви кивнул.

– Ну, вот и хорошо, – он хлопнул Кирстин по плечу. – Поторопись, Макгрегори не любит ждать.

Рей перекинул нож в левую руку и нанёс по мишени очередной удар.

В часы с трёх до пяти его никто не беспокоил – даже Майкл старался лишней раз не заходить, потому что чем бы ни занимался Рей за закрытыми дверями спортзала, случайно попавший под руку мог основательно получить этим предметом по башке.

Рей любил опасные игрушки. С двенадцати лет, когда раскладной нож Брюса впервые оказался в его руках, он увлекался борьбой, стрельбой и всеми остальными способами навредить ближнему своему, которые большинство мальчишек любили не менее, чем он, но о которых, тем не менее, могли лишь мечтать.

Некоторые из них – кикбоксинг, например – служили не только развлечением, но и хорошим способом поддерживать себя в форме и сохранять нужный размер. Другие пристрастия – такие, как стрельба – Рей мог объяснить настигавшей его время от времени потребностью защитить себя. Но некоторым – нож или спортивный самолёт – практического смысла он даже не пытался искать.

«Я делаю то, что хочу – потому что могу», – так он говорил, если кому-то хватало глупости задать ему соответствующий вопрос. Впрочем, среди его друзей большинство знало, что многие вопросы вообще лучше держать при себе.

Например, не слишком ли много прибыли приносит единственное, что подарил ему отец для строительства самостоятельной жизни – расположившийся в Дубае отель, или – не хватит ли ему на сегодня пить. Определённо, вопросы из серии: «Почему ты любишь то... а не то...» – относились к их числу.

На сей раз Майкл, однако, в приёмной долго ждать не стал. Он спешил – потому что и человек, который спровоцировал его приезд сюда, не любил ждать.

Дверь открылась, и нож воткнулся в стену справа от его головы. Майкл даже не дёрнулся, а Рей лишь улыбнулся краешком губ и, вольготной походкой направившись туда, где застряло его оружие, легко произнёс:

– Извини. Но перед тем, как войти – нужно стучать.

– Я не хотел тебя прерывать, – Майкл устроился на подоконнике и, выглянув в окно, стал делать вид, что смотрит, как падает снег.

– Если бы не хотел – ты бы не прервал.

Рей взболтал в блендере фреш из мяты и маракуйи и, перелив в высокий стакан, подошёл к другу. Сделал глоток.

– Говори, раз уж пришёл.

Майкл достал пачку сигарет и попытался было закурить, но и сигарета, и зажигалка тут же полетели в ведро.

– Не здесь, Майкл. Я этого не люблю, – Рей приземлился на подоконник возле него и осушил стакан одним большим глотком.

– Есть хороший заказ, – сказал Майкл, – от нашего постоянного партнёра из Вашингтона.

– На кого?

– На близнецов.

Рей посмотрел на стакан, но так из него и не отпил. Поставил рядом с собой и, отобрав у Майкла пачку сигарет, сам закурил.

Майкл ждал и готовился получить отказ. Он уже думал о том, что будет говорить, когда услышит его.

Рей затянулся, выпустил струю чёрного дыма и произнёс:

– Что ж... я буду по ним скучать.

Майкл поднял бровь, но Рей не заметил, как изменилось выражение его лица.

Он уже отошёл в глубину зала и, достав из кармана телефон, уткнулся в него носом.

ГЛАВА 3. Зима

«Как погода в Эдинбурге?»

«У меня весь подоконник в снегу. А ты, стало быть, где-то далеко?»

Ответ не приходил с полминуты, так что Кирстин имела возможность насладиться ожиданием по полной программе. Ей казалось, что она наконец-то смогла разузнать о своём визави хоть что-нибудь.

Стояли уже первые числа февраля, и они переписывались больше месяца. «Охотник» притягивал её – и вовсе не пафосом своего ника или таинственностью отсутствующего лица. Эти несуразности Кирстин скорее раздражали.

Но с ним можно было поболтать, не скрывая ничего, и от него не оставалось неприятного ощущения навязчивости, какое преследовало Кирстин, когда она была с Лоуренсом или кем-то ещё из своих прежних ухажёров.

Хотя Кирстин никогда не считала себя замкнутой и не мучилась от того, что у неё мало друзей, по большому счёту на курсе не было никого, с кем ей было бы по-настоящему уютно и хорошо. Она ходила вместе со всеми в кафе, не пропускала вечеринок – если только они не становились угрозой для занятий по лепке, раз в неделю заглядывала с Лоуренсом и его компанией в кино. Но всё это было скорее способом убить время, которое в кампусе обычно тянулось так долго, что Кирстин с трудом сдерживала зеवоту, оказавшись на полчаса наедине с собой.

Так было до последнего Рождества, когда весь её мир стал стремительно сужаться до одного ника, обладатель которого казался Кирстин более настоящим, чем все люди вокруг.

Если бы она взглянула на себя со стороны, то очень удивилась бы тому, что манеру строить слова воспринимает как «голос», звучащий у себя в голове, и твёрдо уверена в том, что может узнать незнакомого ей человека по смайлику, как по выражению лица.

Хотя она и не знала о самом Охотнике ничего, но начала уже понемногу запоминать его режим.

По утрам у того почти всегда были дела – он отписывался, но короткими сообщениями, как будто спешил скорее отключить телефон – планшет, ноутбук? Кирстин до сих пор не знала, откуда тот писал.

Потом, во время обеда, им удавалось поболтать – но после трёх Орландо снова напрочь исчезал. На протяжении двух часов он оставлял Кирстин единственную возможность разговаривать самой с собой – и эти два часа стали нестерпимыми для девушки, потому что, несмотря на то, что Кирстин знала, что до пяти Орландо не станет отвечать, рука то и дело тянулась проверить новости.

Затем Орландо брался за телефон и отвечал сразу на всё. С небольшими перерывами он оставался на связи до семи – и иногда проговаривался, что стоит на светофоре, так что Кирстин делала вывод, что тот ехал домой.

После семи начинался очередной цейтнот, из-за чего Кирстин волей-неволей ловила себя на обидной мысли, что Орландо живёт не один. После одиннадцати тот снова плотно появлялся в сети – расслабленный и веселый, явно закончивший все дела. В оставшиеся три часа его вопросы частенько доходили до опасной грани, за которой обычный разговор переходит в виртуальный секс – но он никогда ни на чём не настаивал, и если Кирстин его обрывала – всегда легко отступал за безопасную черту.

Иногда в эти часы у Кирстин вовсе не было настроения слушать подколы на эротическую тему, и она переводила разговор на то, что было для неё важно: часто рассказывала про мать, про Лоуренса и про сестру. Про отца она предпочитала не говорить, но, в конечном счёте, Охотник выспросил и про него.

Сейчас часы показывали третий час, и Кирстин начинала опасаться, что так и не получит ответ. Однако сообщение всё-таки пришло.

«Я не люблю Эдинбург и ЮК вообще. Мне не нравится правый руль, а с водителем я себя чувствую, как идиот».

«В смысле, в такси?»

«Типа того».

«Постой, но английский же для тебя родной?»

Ответа не было.

«Ты из Америки?» – предположила Кирстин, хотя и понимала, что это невозможно. Английский у Охотника был настолько классический, что могли бы позавидовать и некоторые профессора, и он явно неплохо знал саму страну.

– Кирстин, ты идёшь?

Кирстин поспешно спрятала в карман телефон, когда дверь открылась, и Лоуренс ворвался внутрь.

– Эм... что?

– У меня день рождения, глупышка! Только не говори, что ты забыла!

Кирстин абсолютно определённо забыла. И столь же определённо не собиралась об этом говорить.

– Да нет, просто уже начала думать, что ты меня не пригласил.

Лоуренс поймал её за руку и потянул с кровати, на которой Кирстин валялась до тех пор.

– Подъём! – возвестил он и, стянув с крючка пуховик Кирстин, швырнул в неё.

– А куда мы идём? – уже на ходу поинтересовалась та, проверяя, не выпал ли из штанов телефон.

Эллиот Халлвил, кузен Лоуренса, работал в Эдинбурге, но домик снимал в пригороде, потому как также, как и Лоуренс, родом был с юга.

Вариант жить с ним Лоуренс никогда не рассматривал – ему гораздо больше нравилось целыми днями тереться в кампусе и общаться с однокурсницами. Но, в отличие от Кирстин, он всегда имел возможность сбежать оттуда, когда начинал скучать по домашнему теплу.

Эллиот был старше всего на пять лет и потому никаких особых ограничений для кузена не вводил – в том числе разрешал приглашать в его дом друзей, до тех пор пока сам дом оставался цел. Потому Лоуренс и решил праздновать у него.

К тому времени, когда оба добрались до места, на плечах у Кирстин уже намело небольшие сугробики – погода, которой интересовался Охотник, не переставала «радовать» запретными для этих мест холодами уже третий день.

Если бы кто-то спросил её, чем она хочет заниматься в подобный день – а это, кроме прочего, был выходной – она сказала бы, что хочет лежать в кровати под тёплым одеялом и вообще не вставать.

Лоуренс не имел привычки спрашивать о подобных вещах, и Кирстин его понимала – ведь могут же и отказать.

Он отправил Кирстин готовить пунш вместе с парочкой друзей, а сам взялся организовывать пространство в комнате и у дверей. Большая часть гостей ещё не добралась, и Кирстин начинала понимать, что её ждёт очень, очень долгий день.

Ирвин и Хана, вместе с которыми она должна была заниматься столом, всё время выпадали из процесса, задевая друг друга краешками тел, и надолго зависали, обнимаясь где-нибудь в углу. Пунш спустя полтора часа всё ещё был не готов, а гости уже повалили толпой, так что Лоуренс едва успевал их впускать.

Наконец, около девяти часов вечера Кирстин улучила минутку, чтобы скрыться ото всех в самом тёмном углу, и снова взяла в руки телефон, но ответ так и не пришёл.

Рей пошевелился, потому что на бедро ему упала тень. Он выпрямил ногу и чуть повернул голову, щуря глаза под тёмными очками с зеркальными стеклами.

Здесь, на солнце, на экране мобильного ничего было не разглядеть, и потому, чтобы ответить на сообщение Кирстин, приходилось прикрывать телефон рукой – или вовсе заходить в салон яхты.

Бедная девушка, должно быть, куталась сейчас в свой пышный шарф и тёрла друг о дружку заледеневшие руки.

Рей зевнул. Он любил снег, но только если тот падал за окном, а поскольку ему всё равно пришлось улететь из Швейцарии, чтобы проверить, как идут дела в Греции, то он решил уже не возвращаться назад. Деньёк выдался тёплый, и он поручил Юстасу – одному из доверенных ребят – подогнуть яхту ближе к Криту, и, вместо того, чтобы сесть на самолёт и отправиться домой, остался здесь и устроил себе выходной.

Взвизгнули тормоза, и краем глаза Рей отметил появившийся на берегу силуэт – синий спорткар с носом, загнутым к низу, как клюв.

Секунду он сдерживался, не желая выдавать любопытства, а потом чуть повернул голову и приподнял очки, разглядывая сверкающее на солнце крыло Порше Панамера, очевидно, только что покинувшего завод.

Майкл уже шёл к нему, в руках его раскачивался чёрный чемоданчик, но Рей всё же не преминул поинтересоваться:

– Дай угадаю, моя доля тоже ушла на это дерьмо? Когда ты поймёшь, что германцы для мудаков?

– Завидуй молча, – Майкл перепрыгнул с берега на борт и бросил чемоданчик на палубу около его головы. – Я еле тебя нашёл.

– Скажи спасибо, что я не успел покинуть порт, – Рей демонстративно посмотрел на часы. – Ты опоздал на полчаса, и мне уже стало надождать ждать.

Майкл не ответил. Он возвышался над Реем, заслоняя солнце, и разглядывал его с ног до головы – а тут было на что посмотреть.

Рей лежал, широко расставив ноги, явно не стесняясь того, что на него смотрят. Плоский живот мерно вздымался, половину лица закрывали солнечные очки, а руки были запрокинуты далеко за голову.

Не отрывая взгляда от его глаз, скрытых под стёклами очков, Майкл потянул за полы рубашки-поло, через голову стащил её с себя и бросил на чемодан. Сбросил джинсы и, пристроившись рядом с другом на носу яхты, закурил.

Рей дал ему затянуться один раз, чтобы тут же отобрать сигарету и тоже сделать затяг.

– Куда поплывём? – спросил он.

– На острове ты уже был?

– Да.

– Никого не присмотрел?

Рей покачал головой.

Майкл поднял бровь.

– Что это с тобой?

– Просто устал. Хочу чего-нибудь... ещё.

Майкл хмыкнул и попытался отобрать у него сигарету, но Рей молниеносно, как хищный зверь, вскочил на ноги и, оказавшись в полный рост, потянулся, так что тугие, как стальные жгуты, мышцы перекатились под кожей. В эти мгновения Рей походил на дикую пантеру, которая уже поджала лапы и приготовилась к прыжку.

Секунду Майкл смотрел на него, раздумывая, не стоит ли встать следом, а затем в стороне пискнул телефон – и Рей тут же потянулся к нему.

– О, нет... – простонал Майкл. – Рей, кончай, твоя мышка мне уже надоела.

– А мне нет.

– Ты ещё не устал с ней играть?

Рей проигнорировал вопрос и настроил что-то в ответ на сообщение, которое только что пришло.

Майкл вскочил и попытался отобрать у него телефон, но пока они боролись, тот выскользнул у обоих из рук и полетел за борт.

Мгновение оба смотрели, как аппарат делает кульбит – а затем Рей оттолкнул Майкла от себя – так, что тот, громко хохоча, полетел в воду.

– Урод, – констатировал Рей и рыбкой спикировал следом – туда, где только что ушёл ко дну мобильный.

Ответ от Охотника пришёл глубокой ночью, когда Кирстин не только вернулась домой, но и, отложив телефон в сторону, намеревалась уснуть.

Тихое «пилик» заставило её мгновенно проснуться, и, схватив мобильный, она принялась читать.

«Извини, неполадки со связью. Это долгая история – мой отец жил там, но сам я давно уехал».

Кирстин стало грустно от этих слов, и не только потому, что у неё тоже были проблемы с отцом.

«Ты всё-таки намного старше меня...» – написала она.

Ответом ей стало молчание. Наконец, когда Кирстин уже отправила новое сообщение: «Наверное, тебе смешно читать всё, что я пишу», – пришёл ответ:

«Я бы так не сказал».

Три мучительно долгих секунды длилась тишина.

«Мне нет тридцати».

Кирстин испустила облегчённый вздох.

«Ты рано повзрослел?»

«Также, как все».

Кирстин не спешила отвечать, лежала и прокручивала в голове те крохи информации, которые удалось выяснить, и на душе от них становилось тепло.

«Кирстин, хочешь со мной увидеться?»

Кирстин вздрогнула. Они почти никогда не называли друг друга по именам – это казалось глупым, тем более, что Охотник до сих пор так и не назвал своё.

«Для начала ты мог бы просто зайти в скайп», – без особой надежды написала она в ответ.

«Если хочешь – в пасхальные каникулы приезжай ко мне. Я пришлю билет».

Кирстин молчала. Боялась – сама не зная, чего. Может быть, того, что Охотник окажется вовсе не таким, каким она себе представляла. А может, того, что в жизни не такой окажется она сама.

«Мы с друзьями планировали небольшой автостоп по южной Европе», – наконец ответила она.

«Тебе решать».

Кирстин не могла знать точно, но догадалась, что Охотник отключил телефон.

ГЛАВА 4. Для двоих

«Ты никогда не думала отрастить волосы? Тебе бы очень пошло»

Кирстин хмыкнула. Вопрос возник после того, как она добавила с десяток дополнительных фоток – в том числе те, где у неё целый год руки не доходили постричься.

Задумка была проста: ей хотелось спровоцировать Охотника сделать то же самое, и фотографии, судя по всему, не остались без внимания – вот только реакция была не совсем та, которой она ожидала.

Кирстин убрала телефон.

– Ты не собираешься на лекции? – поинтересовался Лоуренс, который как обычно ошивался в её комнате вместо своей.

– Меттис заболел. У меня полно времени до десяти часов.

Лоуренс хмыкнул.

– Везёт. Ладно, но на вечеринку-то ты придёшь?

Кирстин лежавшая на кровати у окна, молча перевернулась на другой бок.

Стояло четырнадцатое февраля, и весь курс скидывался, чтобы устроить вечеринку в общей гостиной второго этажа – самом большом помещении во всем здании. На взгляд Кирстин идея была идиотской: День Святого Валентина – праздник для двоих. С другой стороны, её «второй», если вообще и существовал, был сейчас очень, очень далеко.

– Лори, когда я в прошлом году не стриглась целый год – мне это шло?

Лоуренс приподнял бровь, до него начинало доходить.

– Ты влюбилась, – констатировал он.

– Ты не ответил на вопрос.

– Как и ты на мой.

Кирстин вздохнула и повернулась на спину.

– Нет, Лоуренс, я не пойду на вечеринку.

– Почему?

– Просто не хочу.

– Будешь торчать в комнате одна? Или собралась пригласить кого-то ещё?

– Всё может быть, тебе-то что?

Кирстин села, потому что ей было неуютно смотреть на Лоуренса снизу вверх.

– Да ничего, – фыркнул тот и встал со своего места, почувствовав, что потерял авторитет, – как по мне – тебе сейчас очень хорошо.

Он накинул куртку и вышел за дверь.

– А я так и не получила ответ, – заметила Кирстин и пощупала волосы, которые с Рождества уже немножко отросли.

«Начну отращивать, когда увижу тебя», – написала она, снова взяв в руки телефон.

Ответ пришёл только днём, и Кирстин прочитала его не сразу, потому что Огилви снова её задержал.

«Я тебя приглашал».

– Профессор, – Кирстин подошла к кафедре, оставив на столе макет незаконченной работы.

– Да, я хотел поговорить с тобой наедине.

Кирстин кивнула.

– Есть какой-то заказ?

– Не совсем, – Огилви порылся в портфеле и положил на стол конверт. – Вот. Мой друг, Уильям Доррет, работает в Лондонской Национальной Галерее. Кроме того, он практик и ему

нужен помощник. В апреле, на несколько дней. Он готов подготовить запрос на практиканта от лица Национальной Галереи, но просит, чтобы я посоветовал ему кого-то, кто достаточно обязателен и не задирает нос. Я подумал о тебе.

Сердце Кирстин гулко стукнуло о рёбра.

– Уильям Доррет? – уточнила она. – Я видела его работы, это действительно он? Но зачем ему студент?

– Затем же, зачем и всем. Подготавливать эскизы, делать первые слепки. Правда, есть одно «но» – он не сможет оплатить жильё.

Кирстин молчала, почти что ощущая, как щёки заливают огонь.

– Деньги у меня есть, – наконец сказала она, и после долгой паузы Огилви озвучил за неё:

– «Но»?

– Но...

Кирстин умолкла и покосилась на телефон. Она почти что уже решила ответить согласием на предложение Охотника. В конце концов, с друзьями она путешествовала не в последний раз, а шанс увидеться с человеком, который в последнее время занимал все её мысли, мог и не выпасть снова.

Она опять вспомнила ту мимолётную встречу в магазине в Глазго, когда решила подойти к тому, кто её заинтересовал – но не решила пойти до конца.

«Сказала А, говори Б», – неоднократно повторяла себе Кирстин.

Но практика в Лондонской галерее под руководством Уильяма Доррета...

Кирстин вздохнула.

– Я согласна, – сказала она.

– Ты говоришь так, будто я заставляю тебя идти на эшафот. Вообще-то, такой возможностью с удовольствием воспользуется любой другой.

– Нет-нет, – поспешила возразить Кирстин. – Я очень вам благодарна. И я в самом деле рада. У меня были некоторые планы на пасхальные каникулы – но я понимаю, что ради такого случая их стоит отложить.

– Именно так, – сухо сказал Огилви, и Кирстин осталась под впечатлением, что тот обиделся. – Что ж, тогда для оформления документов обратись в деканат. Мой друг возьмёт на себя внешнюю часть.

К кампусу Кирстин двигалась в тоске. Белые хлопья снега падали ей на плечи и казалось, что под их весом идти становится ещё тяжелей.

Вздыхнув, она рухнула на скамейку, оказавшуюся по правую руку, и достала телефон.

«Извини... – набрала она. – Я не могу. В пасхальные каникулы у меня дела».

«Твои друзья?» – почти сразу высветился ответ.

«Нет. Мне предложили хорошую возможность пройти практику в Лондоне, в Национальной Галерее. Я не могу её упустить».

Молчание затягивалось, так что Кирстин показалось, что собеседник тоже недоволен, но она не собиралась отступать.

«Я даже имени твоего не зна...» – набрала она зло, но «отправить» нажать не успела, потому что пришёл ответ:

«Ты увлекаешься живописью?»

Кирстин стёрла набранные в запале слова.

«Вроде того», – вместо этого набрала она.

На какое-то время наступила тишина.

«В начале марта в Лондон привозят из Дрезденской галереи коллекцию картин. Я их уже видел, но тебе до Дрездена ехать довольно далеко... Хочешь пойти туда со мной?»

«В Дрезденскую галерею или в Британский музей?» – уточнила Кирстин, не до конца веря в то, что дело может разрешиться так хорошо.

«В Британский. Я на пару дней приеду в Лондон, у меня всё равно намечались там дела».

Вот теперь сердце Кирстин забило с такой силой, что готово было выпорхнуть и улететь к небесам.

«Хочу...» – только и написала она.

«Тогда давай второго числа. Буду ждать тебя с двенадцати до часу в кафе Founders Arms».

Кирстин вскочила со скамейки и, не зная, как ещё выразить охватившую её радость, ударила ногой по сугробу.

– Да! – выдохнула она.

И только теперь поняла, что находится в парке абсолютно одна, а Охотник сейчас далеко-далеко. Кирстин торопливо набрала:

«Я постараюсь».

«Напиши, когда будешь выезжать».

На вечеринку Кирстин не пошла.

Воспользовавшись тем, что осталась одна, она зажгла в комнате свечи и, приготовив грог, разлила его в два стакана – один поставила перед собой, а другой – на дальний конец стола, и там же положила телефон.

Она едва успела чокнуться сама с собой, когда телефон издал негромкое: «пилик».

Кирстин потянулась, открывая мессенджер, и расплылась в улыбке: на неё смотрело огромное алое сердце, медленно отстукивавшее какой-то ритм. Под сердцем была ссылка, и, нажав на неё, Кирстин услышала:

«I wanted to be

For the rest of my life

To be your happy valentine»

Кирстин рассмеялась. Хотела было послать что-то в ответ, но передумала и просто написала:

«Один из нас точно сошёл с ума».

«Просто мы давно уже должны были встретиться, вот и всё».

Кирстин помолчала. Она попыталась представить, чем занят сейчас её собеседник, и ей вдруг стало грустно.

«Спорим, ты сейчас не один», – написала она.

Молчание длилось несколько секунд, а затем пришёл ответ:

«Нет. Здесь куча людей, дым от сигарет такой густой, что не продохнуть, и, похоже, что я проторчу здесь всю ночь. Но я думаю о тебе».

Кирстин слабо улыбнулась.

«Я буду ждать встречи», – написала она и отложила телефон.

– Если вы закончили говорить со своим адвокатом, мистер Мерсер, я попрошу вас отдать мне телефон.

Рей улыбнулся и покачал головой, на ходу одним пальцем отключая аппарат.

– Это исключено, лейтенант. Видите ли – мне не очень хочется, чтобы вы совали нос в мою личную жизнь. По крайней мере, пока не получили ордер на мой арест. Неужели вы не понимаете, что вам ничего здесь не найти? – улыбка не сходила с его лица.

Лейтенант Торренс, стоявший у него за плечом уже несколько часов, склонился к уху Реймонда и по слогам произнёс:

– Где. Ханна. И Марта. Клерссен. Мерсер. Я. Задал. Вопрос.

Реймонд повернулся к нему и выдохнул прямо в лицо:

– Я вообще не знаю этих имён.

– Не валяй дурака! – процедил Торренс и сунул фото близняшек ему под нос.

Реймонд повёл плечом.

– Кого-то напоминают. Ну и что?

– Ну, хорошо, – Честер Торренс улыбнулся, – хотя и не так легко, как сидевший перед ним молодой человек – но позиции не сменил. – Тогда мы будем искать. И, уверен, что-нибудь найдём.

Торренс стоял, а Мерсер сидел в кресле рядом с ним – но при этом Реймонд умудрялся смотреть на лейтенанта сверху вниз.

– Думаете, я спрятал их в шкафу для бумаг? Неужели вы не понимаете, что вам ничего здесь не найти? – Рей кивнул в сторону двоих полицейских, сидевших напротив. Улыбка не сходила с его лица. – Скажите, вам самому не смешно? – и, окончательно отвернувшись от лейтенанта, обратился уже к ним: – Продолжим, дамы и господа?

Телефон скользнул во внутренний карман пиджака, а Реймонд откинулся на спинку кресла.

Обвёл презрительным взглядом кабинет и скопившихся в нём людей. Мужчина и женщина со значками налоговой полиции на рукавах уже устроились по другую сторону Т-образного стола так, как будто собирались взять его в захват. Все остальные – по большей части его собственные бухгалтера и секретари, а заодно и несколько копов, которых проклятый Торренс притащил с собой, столпились вдалеке, как будто боялись подойти.

– Перейдём к вашей налоговой декларации за 2014-й год. Здесь указаны доходы с отеля. А что насчёт денег, вырученных с продаж?

Реймонд выудил из кармана пачку сигарет и закурил. Дым в комнате и без того стоял столбом.

«Вот дерьмо, – подумал он. – Майкл, я тебя убью».

ГЛАВА 5. Города

Оставшиеся две недели до назначенной встречи Кирстин провела как на иголках. Она заранее начала откладывать деньги и просмотрела все возможные маршруты. Можно было ехать автостопом, на автобусе или на поезде. Перелёт на самолёте она позволить себе не могла.

Экспресс шёл четыре часа, и это было в два раза быстрее, чем поездка на автобусе или вовсе непредсказуемый автостоп – но и билет на него стоил минимум девяносто фунтов, и так вот запросто Кирстин не смогла бы его купить.

Был вариант заказать его заранее за половину стоимости и к тому же вернуть себе кэшбэк – но для этого требовалась дисконтная карта железных дорог, а она такой не имела, потому что никогда не ездила на поездах.

В конце концов Кирстин решила, что отправится на автовокзал вечером первого числа и там уже решит – автобус или автостоп.

Она просмотрела все проспекты относительно намечавшейся выставки, какие только смогла достать.

Прошерстила сайт Британского музея «от» и «до».

Подобрала хостел и даже заплатила заранее за два дня вперёд.

Заодно изучила все окрестности и посмотрела виртуальный интерьер кафе «Founders Arms» в 3D.

К концу третьего дня она уже могла сама провести экскурсию по выставке, причём закрыв глаза.

И всё это время Охотник на связь не выходил – так что Кирстин начинала сомневаться, в силе ли их договор.

В обычные дни зала для занятий лепкой была тем местом, где она могла проводить по много часов – если только кто-то её пускал. Здесь, даже оставаясь в одиночестве, Кирстин выражала себя на все сто.

У каждого из студентов, занимавшихся по её профилю, было что-то вроде собственной ключевой темы, в которой тот с молчаливого позволения Огилви выполнял все зачётные работы. Речь здесь шла не только о манере, стилистику которой они ещё только начинали для себя осознавать. Скорее, это был ключевой мотив – кто-то любил лепить деревья, кто-то – дома. Особенной популярностью пользовались женская фигура и лицо.

Кирстин любила лепить мужское тело. Лоуренс всегда над ней смеялся, да и ещё до школы её отец всегда краснел, когда кто-то видел, что лепит дочь.

Но для Кирстин красота мужского тела была абстрактной, оторванной от сексуальных подтекстов. Когда она работала, перед глазами стояли фотографии скульптур Донателло и Микеланджело, где каждая чёрточка дышала жизнью и особой, естественной красотой.

Так и её фигуры обычно являли собой воплощённую в глине плоть. Глаз Кирстин подмечал каждый нюанс, строение мускулов, изгиб пальцев или рук... Если линия не запоминалась сама собой, то иногда девушка обнаруживала, что пальцами обрисовывает в воздухе зацепивший её внимание предмет, силясь запомнить его так.

Сейчас же скульптуры её всё сильнее уходили в абстракцию. Она то и дело ловила себя на мысли, что не может изобразить того, что вертится в голове, потому что оно не имеет плоти.

– Импрессионизм – это что-то новое для тебя, – замечал Огилви, глядя на то, что она сотворила, но Кирстин лишь вздыхала.

– Я знаю. И абсолютно к этому не стремлюсь.

Стоило Огилви отступить хотя бы на шаг, как мысли Кирстин снова улетали далеко.

С начала второй недели она вовсе перестала носить с собой телефон – чтобы не расстраиваться лишний раз. Поймав себя на мысли, что хочет проверить, кто ей написал, она торопливо её прогоняла. Но, закончив занятия, всё равно заходила в свой профиль – и с тоской отмечала, что Охотник не появлялся в сети с тех самых пор, как её пригласил.

«Он передумал», – всё сильнее укреплялась мысль у неё в голове. Но представить, что откажется от поездки, Кирстин уже не могла. Она так чётко представляла себе её – всю, за исключением лишённой плоти фигуры, которая шествовала рядом с ней в этом видении – что почти уже пережила.

Накануне днём ноги сами понесли её к автобусной станции – но на полпути Кирстин остановилась и замерла, думая, идти ли вперёд.

На ней была весенняя куртка, и снег на тротуарах уже стал растекаться ручьями. Ноги в первые же двадцать минут промокли, а ехать предстояло всю ночь.

Кирстин представила, как стоит в темноте на дороге и голосует, а её никто не берёт.

Если бы Охотник соизволил появиться в сети, она могла бы предупредить его, что выедет утром – потому что назначенное время с двенадцати часов – оказывалось ни то, ни сё.

Но передоговориться она уже не могла и потому, решительно развернувшись, направилась на вокзал.

Билет обошёлся ей в семьдесят два фунта, правда пришлось его взять на обычный поезд, но Кирстин решила, что это того стоит.

Забравшись в вагон, она почти сразу же задремала, опустив голову на стекло, но проспала недолго: поезд едва тронулся, когда её разбудил телефон.

Тихое «пилик» прозвучало в шуме колёс как гром, потому что Кирстин знала, что писать ей сейчас может только один человек: все друзья за последние недели основательно про неё подзабыли.

«Не передумала?» – высветилось на экране.

Сердце Кирстин забило в такт торопливому стуку колёс.

«Нет, хотя и могла бы», – написала она в ответ.

«Хорошо. У меня всё готово. Буду ждать тебя в двенадцать часов».

Секунду Кирстин думала, чтобы написать ответ, потому что обида всё ещё терзала её, но Охотник продолжил первым:

«Кому-нибудь рассказывала, с кем собираешься провести этот уикенд?»

Кирстин даже покачала головой.

«Лоуренс съел бы меня с потрохами, если бы знал о тебе, – только и написала она. – Он и так завидует, что я увижу настоящего Караваджо, пока он торчит в комнате один».

«Не просился с тобой?»

«Просился... Но меня же ждёшь ты».

Кирстин закусила губу и слегка покраснела, поняв, что написала.

«Я уже в поезде сижу», – тут же попыталась она сменить тему.

Секунду Охотник не отвечал.

«В поезде? – спросил он затем. – Я думал, ты на автобусе. На какой приедешь вокзал?»

Кирстин назвала вокзал.

«Я за тобой заеду, хорошо? Свяжись, как только поезд подойдёт. Номер какой?»

«Будет только шесть утра. Ты ещё не проснёшься».

«Всё равно. Я хочу за тобой заехать».

Кирстин вздохнула, но в глубине души обрадовалась тому, что ей не придётся болтаться в городе одной полдня – и тому, что Охотник о ней заботится.

«1703», – сверившись с билетом, написала она.

«Хорошо. Спи. Я буду тебя ждать».

И Кирстин в самом деле уснула. Ей снился красивый брюнет в дорогом шерстяном пальто, которого она видела только раз. Во сне тот водил её по галереям Британского Музея и рассказывал про Мадонну Ролена – а может быть, что-то ещё.

Кирстин плохо запомнила детали сна.

Она проснулась от того, что её трясли за плечо. Поезд уже остановился, и пассажиры столпились у выходов из вагона.

Кирстин зевнула, поблагодарила проводника, закуталась в шарф и взялась за телефон.

«Я выхожу на платформу», – написала она.

Охотник уже был в сети – как будто и не было тех двух недель тишины.

Кирстин хотела спросить, почему тот не писал, но Охотник её опередил:

«Выходи из вокзала и поворачивай на Истборн тирас, Ford Fiesta ждёт тебя там, садись в него».

Кирстин была немного разочарована. Она почему-то ожидала от Охотника более романтической машины, чем семейный форд – хотя, с другой стороны, у неё самой не было вообще никакой.

«Уже прохожу турникет, – отписала она, заходя в вокзал. – Ты со мной позавтракаешь?»

«Мы проведём вместе весь день».

Кирстин приложила к терминалу билет и, покинув вокзал, огляделась по сторонам.

Широкая Кравен Род уходила налево, а узенькая Истборн Тирас ответвлялась от неё. Вся толпа спешила на Кравен Род, а Истборн Тирас была почти абсолютно пуста.

«Наверно, там легче припарковаться...» – озадаченно подумала она. Вообще Кирстин в этих нюансах не понимала почти ничего, но вид пустого проулка заставил пробежать по спине лёгкий холодок.

Она решительно направилась туда, продолжая держать в руках телефон.

Подняв глаза, Кирстин увидела обозначенный Форд. Она улыбнулась и помахала рукой, хотя водителя было почти не разглядеть за стеклом.

Кирстин замешкалась, раздумывая, с какой стороны сесть – да и вообще она бы предпочла сначала увидеть лицо, но водитель наклонился над пассажирским сиденьем и открыл дверь – решив вопрос за неё.

Кирстин обошла автомобиль и, забравшись внутрь, обернулась к водителю. Фальшивая улыбка замерла у девушки на губах. Это был крепкий мужчина с мясистым носом и широкими плечами в кожаной куртке поверх сизой водолазки – явно чей-то муж и отец.

«Ты сказал, тебе нет тридцати лет...» – вертелось на языке, но Кирстин не решилась высказать упрёк вслух. Покосилась на дверь, подумывая сбежать – но тут же попыталась себя успокоить: «Я же всё равно его знаю. Пусть и не в лицо».

Пока Кирстин пыталась решить для себя этот неоднозначный вопрос, смутная тень поднялась у неё за спиной. Кирстин успела лишь пискнуть, когда чья-то сильная рука накрыла тряпкой её рот и нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.